

После памятного для всех построения Гундоровский казачий полк был распущен по домам. Каждый день менялись караульные полусотни, которые, рассыпавшись на разъезды по пять-семь человек, объезжали вдоль и поперек гундоровские юртовые земли. Через день отлавливали бежавших из Луганска рабочих, тех, кто не успел уйти с Ворошиловым и боялся, что немцы и гайдамаки возьмутся и за них. Таких потеряшек отправляли в курень рядом с хуторским правлением и учиняли допрос. Вернувшиеся из Луганска побывавшие в заложниках швечиковские казаки приходили в этот дом, и их просили опознать, не был ли кто из задержанных среди лютовавших красногвардейцев. Никого опознать не удалось, а может, просто не захотели это делать. Кто знает, куда ещё качнётся маятник смены власти?

Так весной 1918 года для казаков, проживавших на берегах Северского Донца, по-настоящему началась очередная война, но уже гражданская. По организации боевой службы мало что изменилось. Те же взводы, полусотни и сотни, сформированные две артиллерийские батареи и отряды пластунов. Только командиры и начальники уже сплошь свои земляки, да и воевать пришлось совсем рядом со своими куренями.

За несколько весенних недель Дон полностью оставили красногвардейские войска, уйдя на север и восток Области войска Донского. На его территории после избрания донским атаманом бывшего командира 10-го Донского казачьего полка, хорошего знакомого гундоровцев генерал-лейтенанта Петра Николаевича Краснова были утверждены новые, но такие близкие по духу и смыслу старым и мирным порядки. Это понравилось казакам.

Краснов провозгласил цель двигаться к полной казачьей самостоятельности, а для начала утвердиться на границах или гранях провозглашённого Всевеликого войска Донского и никаких непрошенных пришельцев в него не пускать.

Одну из таких граней, южную, в начале июня 1918 года и отправились отстаивать гундоровские казаки. Сначала полк перебросили на станцию Каменскую, экипировали на брошенных красными войсками складах, вооружили и снабдили всем необходимым, а потом отправили поближе к Ростову, в станцию Ольгинскую.

Июньское марево стояло над камышовыми зарослями между Ростовом и Батайском. В этом мареве расплывались очертания зданий, разбросанных на высоком ростовском берегу.

Один из молодых казаков, уроженец хутора Швечикова, замороженно смотрел в сторону большого города. Заметив его взгляд, Сергей Новоайдарский тут же спросил:

— Ну как, землячок, на хутор наш не похоже?

— Разве что гора у нас намного меньше, да тем, что у нас тоже правый берег. Донец куда уже Дона, вполнину. А в остальном... Хоть бы раз по такому городу пройти. А то я нигде дальше станицы Каменской и не побывал. По бульварам прогуляться, на мамзелей позреть. Да посмотреть, какая она, настоящая мостовая, в городе. Ни разу не видел!

Взводный отозвался:

— Ничего, побываешь в разных городах, и не только в Ростове.

Не сбылось пожелание Новоайдарского. Не сбылось.

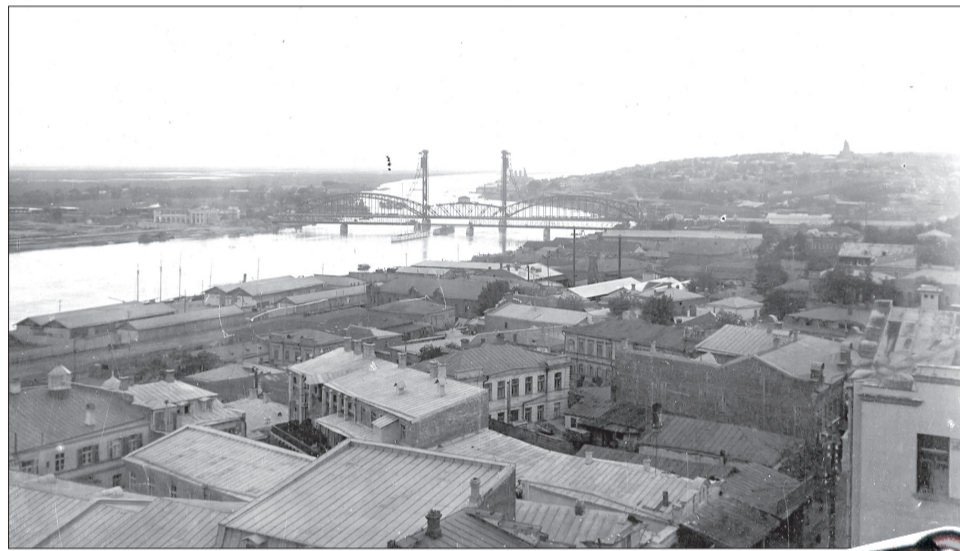
Но сначала были бои между Батайском и Кущёвкой.

Воевать пришлось в одной боевой линии с прежними врагами — немецкой пехотой. Позиция швечиковской седьмой сотни была справа от железнодорожной насыпи, а наверху немецких касок виднелись слева.

Сколько раз они мелькали перед глазами во время германской войны! На них обрушивались клинки казаков. Бывало так, что не выдерживала и златоустовская сталь. Трехаршинные казачьи пики всаживались в тела ненавистных врагов. Теперь же они были всего в двух десятках метров.

Оттуда, с левой стороны, слышались отголоски гортанных команд и звяканье оружия. Хорошо, что их разделяла железнодорожная насыпь!

Гаврила Бахчевников всё порывался преодолеть это препятствие, но его не пускали сослуживцы.

Ростов. Вид на Дон. 1918 год.

— Что ты хочешь узнать?

— Хочу спросить, зачем они столько народу на нашем участке фронта под Сморгонью газами в шестнадцатом году потравили. Что, нечем было воевать что ли? У них-то и снарядов, и патронов побольше нашего было, а они все равно, как сусликов в норках, нас травил. Сволочи!

Взводный Антон Швечиков стал пресекать решительность своего земляка:

— То, что сволочи, — это верно. Но вот с кем ты, Гаврила, собираешься разговоры вести? Там ведь по чину не больше командира роты будет, а ты все такие претензии вселенского масштаба.

— И это верно, — отозвался Бахчевников.

— Я так просто. Старое вспомнилось. Казаки наши потравленные. По три дня на полях лежали. Боялись подходить к ним, могли и оставшиеся в живых потравиться. Не дай Боже и в этой войне начнут так же войска друг друга травить! С той стороны-то русские! В одной стране жили, а теперь вот врагами стали.

Антон ободряюще посмотрел на своего более старшего подчинённого:

— Гаврила Серафимович! Вам бы точно внешними сношениями во Всевеликом войске Донском заведовать, а поскольку это не предвидится, попрошу занять место в окопе наблюдателей и доложить обстановку.

Обстановка была простая. Крас-

ногвардейцы пятились на юг от полустанка к полустанку. Иногда переходили в короткие контратаки, наверное, для того, чтобы дать отойти главным силам. В этих боях в седьмой сотне была всего одна боевая потеря. Тот самый молодой казачок, который так мечтал погулять по ростовским бульварам и посмотреть на городских дам и мостовую.

Жара стояла неимоверная, и в родную станицу его тело не отправили. Похоронили напротив железнодорожного километрового знака. Антон пометил это место на только что выданной топографической карте, а всех сослуживцев попросил запомнить приметы.

Июнь 1918 года прошёл в боях и мелких стычках возле станицы Кущёвской. Казаков больше не теряли, были только раненые, которых отправили на поезде в ростовский госпиталь. После соединения войск Донской и Добровольческой армий Гундоровский казачий полк был направлен обратно в свои родные края, на станцию Каменскую. Окружив

Дона. Жёлто-коричневые балыки с глубокими надрезами распластались на прилавках. Тут же были подвешены связки икрыных чебаков и стояли банки с чёрной икрой. Торговля шла на донские рубли, деньги, выпущенные атаманом Красновым. Но предпочтительнее был обмен на пшеницу, она была в тот год самой главной валютой. Правда, без неё можно было вмиг остаться, как только станицы и хутора занимали враждебные друг другу войска, но хлебоборобы от тех и других страдали одинаково.

В торговле в самом ходу были солдатские высокие сапоги и ботинки с обмотками. Наверняка они оказались на ярмарках прямо с разграбленных советских складов. Ношенные не брали, боялись, что с мёртвых снята обувь.

Те покупатели, что посмелее, отдирали стельки, засовывали носы в голенища и принимались. И чтобы оправдаться в том, что не дали маху, приговаривали:

— Потом пахнут, а не чем-нибудь другим. Добрый товар, до конца жизни хватит.

— По тому, как жизнь сейчас казачья складывается, лучше такое не загадывать.

В каждом казачьем курене понимали, что война, начавшаяся весной 1918 года, вряд ли быстро закончится. Казаки — люди набожные, и они приписывали всё творившееся на земле небесным силам. Так же, как и в предыдущие войны, они шли в бой с ладанками, зашитыми особым способом оберегами, родительскими благословениями и молитвами. Переломное время отразилось в том, что и в молитвах появились новые слова:

«Избави нас от искушения и укажи нам путь избавления... Стонет измученный грешный народ, гибнет под гнётом стыда и невзгод... Боже, лукавого власть изжени. Боже, царя нам снова верни!».

Но больше всего казаки хотели, чтобы снова на донскую землю вернулся мир. О нём молили прежде всего, понимая при этом, что недолго главам семейств оставалось находиться под крышами родных домов. Так и получилось. В середине августа 1918 года пришёл приказ отправить казакам Донского Гундоровского полка на север Области войска Донского под Богучар, на границу с Воронежской губернией.

Предстояло воевать за другие донские грани, в этот раз за северные.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание: Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

атаман Михаил Краснянский устроил пышную встречу на привокзальной площади. Каждому казаку вручили по местной газете, на первой странице которой красовался лозунг: «Слава донским казакам-победителям!».

Бывшие фронтовики призадумались:

«Наверное, так нас должны были встречать с германской войны. А то полгода назад уезжали отсюда украдкой. Это там, на той войне, мы должны были стать победителями, а здесь кого мы победили? Да и хватит ли для того, чтобы они больше не свались?».

Как показала жизнь, не хватило. Все казаки были очень довольны, что подросли как раз к уборке урожая. Он обильным не был. Некому было за полями ухаживать, больше казаки были совсем на других полях. От того и радовались, что удалось вернуться к мирному труду.

Опять, как и раньше, были разрешены ярмарки в станицах. На них свозили всё, что можно было продать из произведений своего хлебоборобского и другого труда. В торговых рядах появилась рыба с нижнего

Медаль «За освобождение Дона», 1918 год.

